

Виктор Федоров

**РУНА
О МОЕМ
ТЯЖБУММАШЕ**



Издание этой книги обеспечили известные люди нашей республики.

С глубокой признательностью и искренней благодарностью называю их имена:

Армас Мишин, поэт. Председатель правления Союза писателей Карелии. Выдал мне письменную рекомендацию на издание этой книги. Инициативно, без моей просьбы. Просто не верится!

Валерий Сомин, генеральный директор АО «Петрозаводскмаш». Еще несколько лет назад, «на ходу», сказал мне: «Пора тебе издавать книгу. Поможем, хотя ты и критикуешь нас». И когда сейчас дошло до дела – АО «Петрозаводскмаш» взял на себя основной груз финансирования этой книги.

Андрей Демин. Глава самоуправления г. Петрозаводска. Ему я передал через помощника письменную просьбу о «дофинансировании» и сразу получил положительный ответ.

Виктор Васильев, профессор, ректор Петрозаводского государственного университета. При личной встрече мгновенно «вошел в курс дела», помог и поддержал морально.

БОЛЬШОЕ ВАМ СПАСИБО, ЗАВОД, ГОРОД, УНИВЕРСИТЕТ!

Еще позвольте здесь, принародно, сказать теплые слова огромной благодарственной любви моей жене Майе, преподавателю; дочери Ксении, студентке; сыну Константину, аспиранту; за создание в нашей семье творческой обстановки, не смотря на трудное материальное положение. Просто слов не хватает!

ББК 84 (2Рос = Рус) 6 - 5
Ф 33

Ф 33 Федоров В. П.
«Руна о моем Тяжбуммаше». Поэма

**ISBN 6-7378-
043-1**

© Виктор Федоров, 2001
Текст. Оформление

Виктор Федоров

**РУНА
О МОЕМ
ТЯЖБУММАШЕ**

поэма

г. Петрозаводск
2001 г.



1960

В том году в заселье Калевалы
Гимн труду запели запевалы:

«Великан, загадочный народ
Здесь построит сказочный завод!
Партия привычно поведет,
Комсомол поможет сдвинуть груз,
Защитит законом профсоюз,
Женсовет свою исполнит роль,
Все кругом проверит рабконтроль,
Развернутся НТО, ВОИР,
Всех навек сплотит борьба за мир.
Счастье людям - наш ориентир!
Не простой стране СССР
Не впервой показывать пример.
Жди, Калининград и Сахалин
Новеньких советских буммашин!
Есть у нас и люди, и металл:
Бойся, зарубежный капитал!
Не далек торжественный момент:
Думай, заграничный конкурент!»

Вот о чем запели запевалы
В том году на землях Калевалы.

Я вдали услышал те мотивы,
Мне пришлось по сердцу все призывы,

5

Бросил я Восток, Сибирь, Урал,
Прибежал, к фундаменту припал:
«Буду с вами строить коммунизм,
Принимайте мой патриотизм!
Я люблю ваш творческий орнамент,
Надо? Сердце положу в фундамент».
Умный голос лестно мне сказал:
«Становись, герой, в рабочий строй,
Подучись и вместе с нами строй».
Видишь? Горизонт наш: Коммунизм.
Отдавай ему свой альтруизм».
Там, где зрело старое болото,
Закипела ярая работа.
Освещал ее со всех сторон
Красный цвет плакатов и знамен,
Ясный свет пространства и времен!
Из глубинок Родины моей
Сколько понаехало людей
Похвалиться силою своей,
Стать с великим подвигом на ты,
Вспламенеть от фокуса мечты!
Скоро совершались чудеса,

Споро поднимались корпуса,
И неслись над миром голоса:
«Вырастай скорей, красавец наш!
Возмужай быстрее, кормилец наш!
Имя тебе будет Тяжбуммаш».

1970

Ты звени, торжественная нота,
Лейся радость, словно из реки!
В новом цехе новая работа,
Дорогие новые станки,
Планы высоки и широки,
Будущего счастья маяки!
Здесь не уживается зевота,
Здесь одна партийная забота:
Как отладить крылья для полета
Да к станку приладить патриота.
Лейся, радость, словно из реки!
«Стихотворец, слово изреки,—
Это Время мне сказало строго,—
Ты воспой народные мечты».

У большой разметочной плиты
Я кручусь. Работы очень много.
Я сегодня - опытный разметчик,
Инженерных допусков разведчик:
Из чертежной дорогой страницы
На металл переношу границы,
Чтобы фрезеровщика фреза
Не могла бы углубиться «за»,
А лихого токаря резец
Мне пропел бы звонко «молодец».
И потом сверловщика сверло
Чтобы от границы не ушло.

Новый цех! Сквозь новые фрамуги
Ярко светит солнце без натуги.
В цехе электричество горит,
В цехе - яркий, сочный колорит.
Посмотри сюда, двадцатый век!
Это - я, советский человек.
Это мы дерзаем вдохновенно,
Первая, вторая, третья смена.
Нас ничто с пути не сможет сбить,
Мы не рассуждаем быть – не быть,
Мы запрограммированы быть!
Ежедневно в нас большой восторг
Заливает заводской парторг.
Нам несет диспетчер чертежи,
Мастер намечает рубежи,
Новый заграничный автокар
Заготовки мчит, как на пожар,
Молодые, в силе, мужики
Заготовки ставят на станки,
Вот уж автокар летит на сборку,
Соберем, конечно, на пятерку!
Вот уже большие поезда
В дальние увозят города
Славную поэзию труда!
Вот уже и свет зеленый дан
Поездам для заграничных стран.
У границ горит зеленый свет:
«Тяжбуммаш, вези свой раритет!»

Тяжбуммаш наводит бодро глянец,
Выставляет силу напоказ:
Завтра приезжает иностранец,
Говорят, везет большой заказ.
Сам директор входит в наш пролет,
Из Москвы комиссию ведет,
Головой комиссия кивает:
Новый цех размахом поражает!
А народ восторженный готов
Выстроить хоть сто таких цехов!

Новый цех - огромный нотный лист.
Ровными линейками пролеты,
А на них - станки, живые ноты
И у каждой - свой специалист,
Дирижер ответственной работы.
Звуковой возвышенный разброд
В цехе громыхавших какофоний
Мне, навек влюбленному в завод,
Был тогда дороже всех симфоний.
И в работе необыкновенной
Чудилось рождение Вселенной:
Красный кран, мостом через пролет.
На разметку мне деталь везет,
Словно всей своей манящей мощью
Сквозь бетонных стен литую толщу
Вдохновить на труд рабочий фронт
В цех ворвался Красный Горизонт!

Ой вы, потаенные мечты,
У большой разметочной плиты!..

Вот я взял деталь под уголок,
Поострее заточил мелок.
Вдруг ко мне приносится бегом
Мастер с перепуганным стрелком
ВОХРа: «Там такие вот дела:
Лодка по асфальту приплыла.
То ли самодельная игрушка,
То ль под ней воздушная подушка.
В ней - мужик артистом наряжен,
Нам не объясняет в чем резон,
Бросил якорь прямо на газон,
И у главных заводских ворот
Все равно, что радио поет,
Федорова Виктора зовет.
Что там за товарищи твои?
Командир уж позвонил в ГАИ».
«Кто? Зачем?» К воротам я спешу.
Мастер крикнул: «Премии лишу!»

И увидел я за проходной:
Вяйнемейнен мощный и живой,
Стоя в лодке, машет мне рукой:
«Поспешай, разметчик, торопись!»
Я - в ладье. По-братски обнялись.
Лучший муж на гусли бросил руки:

«Кантеле, яви сейчас нам звуки,
Чтобы взвился парус мой шуршащий.
Будь, ладья, во времени летящей!»
Волшебство случилось: мы поплыли.
По асфальту, по земле без пыли
Началось волшебное движение.
Позади - заводоуправленье,
Старая пожарка, ПТУ,
Всюду в окнах - ахи, удивленье.
Вот уж мимо бани мнем траву.
Там неторопливые бомжи
Бочковое пиво сладко пили,
Но, увидев наши виражи,
С перепугу кружки уронили.
Лишь один кричал, не слишком пьян:
«Это ж в лодку вделаТый Буран!»
Мощный звук легко давали струны.
Хорошо играл отец почтенный!
За кормой - прибрежные буруны,
Позади - Онего берег пенный,
В дивных новых стройках побережье.
Миг - и облетели Заонежье.
По лесным болотам, по протокам
Пролетели мы секундным сроком.
Нас природа в панораме сельской
Восхищала красотой карельской.
Мощный звук вдруг резко оборвался,
Светлый топ затих легко, спокойно.

Вечный старец мне заулыбался
И сказал почтительно, достойно:

«Как-то Дева Воздуха явила
Мне газету из многотиражки.
Твой портрет я там увидел смелый
И стихи твои прочел я с интересом,
Думая в заботе неустанной,
Где моя тропиночка открылась
Для певцов, что пеньем поспособней
Меж растущей новой молодежью
В восходящем вашем поколеньи?
А потом куда-то все исчезло.
Не читал твоих я больше строчек
На земле Суоми сердцу милой,
Здесь, в стране Карелии прекрасной,
На просторах чудной Сувантолы.
Только знаю я, что Ильмаринен,
Тот коваль, знаток вещей кузнечных,
Кто сковал для нас когда-то Сампо,
Часто у тебя бывает в цехе
С молотком своим и колотилом.
С ним творите вы рацпредложения.
И теперь в республиканском БРИЗе
Знают вас, как творческую группу,
Выдают свидетельства с печатью
И из кассы премии. Деньгами.
А стихи? Сказать вещей начало?»

Глубину воспеть деяний вечных?
Вот я и решил к тебе заехать,
Подтолкнуть, помочь советом добрым.
Посмотри, кругом краса какая:
Озеро Онежское, как Время,
Что неистребимо во Вселенной!
Берега - бескрайние пространства
Сочных трав, деревьев хвойно-листных.
Отражай, рисуй на радость людям,
Пой, на струнах кантеле играя!
Кантеле не нравится - гитару
Обними покрепче, как подругу
Или из чудесной органоны
Извлекай невиданные звуки,
Растворяй их в солнечном сияньи,
Разгоняй собравшиеся тучи.
Вот зачем к тебе решил заехать,
Чтоб найти ответ в твоём признанье»

Я молчал, как мальчик в наказанье,
Я искал в себе слова ответа
И ответил: «В этом нет секрета.
Просто я пока что знаю мало,
Чтобы в наших буднях быстротечных
Всей стране сказать вещей начало,
Глубину раскрыть деяний вечных.
Нет во мне пока что нужных знаний
Для великих сложных созиданий,

Чтобы звонкой песнею героя
Изменить устройство мировое.
Опыта большого не хватает
Да и возраст, в общем, поджимает.
Я прошу понять мое мученье.
Что любого счастья мне дороже:
С детства не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был то же.
Лишь теперь, измазанный в мазуте,
Я учусь в заочном институте,
Знаю цену дорогой минуте.
Как мечтаю стать я инженером,
Очень положительным примером
И большим героем для завода:
Я ведь сын советского народа!
Я к труду не отношусь халатно.
Я готов работать и бесплатно,
Лишь бы поскорее мой народ
Получил невиданный завод,
Лишь бы было больше у карелов
Корпусов, цехов и переделов.
Вот тогда-то жизнь у нас пойдет!
Путь мой на заводе не пунктирен,
Линия прямая - вот основа,
Из меня твой сильный Ильмаринен
Делает умельца заводского.
А стихов певучие эффекты
Сами норвят в мои конспекты,

Из технологической цепочки
Лезут не лирические строчки
И про поэтический туман,
И про политический обман.
Рифмы сами вносятся в страницы,
На зерно некормленные птицы.
Но мои гражданские куплеты
Попадают только в стенгазеты,
И партийный главный наш Редактор
Наезжает на меня, как трактор:
«Сочинял бы, лучше о природе».
Я же песнь слагаю о заводе
С горькой мыслью о родном народе,
За великим лозунгом в погоне:
«Личность, развивайся всесторонне!»

«Хорошо, - ответил песнопевец,
Украшенье нашей Калевалы, –
Буду ждать стихов я о заводе.
Ты трудись восторженно и честно,
Ты учись ответственно, серьезно
И, как Вейно, возраста не бойся.
Будешь ты трудиться - будешь сильным,
Будешь ты учиться - будешь умным,
Будешь сочинять - стихи польются,
Будешь жаждать жизни – жизнь
продлится!
И построишь ты завод, как сказку.

И еще скажу я подтверждение:
Разве мог бы выковать нам Сампо
Ильмаринен, тот ковач искусный,
Смог бы крышку пеструю устроить,
Не имея кузни, горна, меха,
Если места нет, нет наковальни,
И без молотка, без колотила?»

Ой вы, потаенные мечты,
У большой разметочной плиты!

Красный кран, мостом через пролет,
На плиту деталь мне подает
Делать сверхурочную разметку.
Выполним досрочно пятилетку!
Крановщица машет мне рукой:
«Ты сегодня что-то не такой!»
Я в ответ: «Поет моя душа!
Жизнь светла, прекрасна, хороша,
Хоть и нет в кармане ни гроша».

Улыбайся, добрая фортуна,
Сочиняйся, заводская Руна!

1980

Годы мчатся, словно день за днем.
Тяжбуммаш растет и мы растем.
Годы мчатся, торопя мечту.
Тяжбуммаш растет и я расту!

В плановом отделе высших сфер
Я сегодня - старший инженер
На моем столе - волшебный слиток
Коллективных творческих попыток,
Результат ночных тяжелых бдений,
Выжимки новаторских решений:
Горизонт наш, Пятилетний План,
Будущего яростный таран.
Красный, словно в цехе красный кран!
Герб на нем сияет золоченый,
Потрудились практик и ученый!
Нас в отделе много человек.
Мы стремимся в двадцать первый век:
Для серьезной творческой работы
Есть и арифмометры, и счеты.
Мы не отойдем от колеи.
Милые сотрудники мои!
Я, как расторопный пионер,

17

Днем и ночью с вас беру пример.

От стола к столу волшебный слиток
Продвигается и резв, и прыток.
Мы из плана каждую строку
Отсылаем к нужному станку
И считаем Родине прибыток!

Ой вы, разгеройские мечты,
У экономической черты!

Как я счастья Родине хочу!..
В каждой строчке винтик подвинчу,
Отшлифую каждую колонку
И ни разу не взгляну в сторонку.
На стене - плакат: «Работу - в срок!»
Я, с карандашом, - в глубинах строк,
Открываю графика замок.
Вдруг раздался бешеный звонок:
«Здесь, у проходной, стоит гражданка.
Не пойдем: своя ль, американка?
Атакуют нас с напором танка.
Разговора с нами не ведет.
Федорова Виктора зовет».

Я - бегом, на согнутых ногах.
Приостановился. Легкий страх.
Женщина. Красивая. В очках.

Туфельки на низких каблучках.
Строгая. Прически скромный венчик,
А в руке - увесистый портфельчик.
Черного костюма новизна.
Аккуратной блузки белизна.
Наблюдает издали за мной.
Подхожу. А взгляд-то - не земной!
Не глаза - экраны ЭВМ.
В них - значки знакомых теорем,
Цифровые длинные ряды
Радости народной и беды:
Пятилеток важные итоги,
Коммунизма страшные дороги.

«К-кто вы?» «Я - Статистика. Наука.
Цифре и количеству порука.
Я нужна и в радости, и в горе
И всегда с правительствами в ссоре».

Медленно, с напором говорит,
А в глазах ее огонь горит.
Вот такой ответ она дает,
Впереди меня в отдел идет
И легко свой низкий каблучок
В книгу Плана ставит между строк.
Шаг! Мы - в книге. Ахнул весь отдел,
Нервно оторвавшийся от дел!
И, как рассказали мне потом,

Целый час сидел с раскрытым ртом.
Спутница моя, не ожидал,
Герб руками сжала, как штурвал,
И почтенный Пятилетний План
Взвился в небо, как аэроплан!
Механизм летательной машины
Трудится! Параграфы-пружины
Напрягают каждый свой виток.
Из потертой меченой страницы,
Где аккумуляторы-таблицы,
По проводке очень умных строк
Информационный мчится ток,
Чтоб легко, без усталости вращать,
Как пропеллер, круглую печать.
Эх! Летим. Постройки цеховые
Ярко выделяются окрест.
Чу! Слышны сигналы позывные,
Посланные нам с рабочих мест.
Сводок и отчетов мастерица
Строго, как больничная сестрица,
Хмурит лоб в работе непростой,
Щурит глаз в заботе заводской,
Нервно кривит свой красивый рот
И все пишет, пишет в свой блокнот.
В заводской мы опустили двор,
И она заводит разговор:
«Виктор, вы - заочник-аспирант,
Вы в науке дерзкий дебютант.

Год назад в отраслевом журнале
Ваша напечатана статья.
Мы не раз в Москве ее читали
И, дотошность говорит моя,
Вы в статье всего не показали.
Что на это скажете, поэт?»
Вот что произнес я ей в ответ:
«Был у нас на днях партхозактив.
Выступил и я на нем, ретив,
Резко критикуя негатив.
Текст ненапечатанной статьи
Передали там слова мои:
«Все у нас прекрасно на словах,
Но за сбоем сбой идет в делах.
План возьмешь - сплошные нестыковки,
Озвереешь от корректировки.
Где причина? Здесь, внизу, в цехах?
Или там, повыше, на верхах?
Не могу никак понять завод!..
То ли плохо партия ведет,
То ли комсомол не тянет груз,
Позабыл законы профсоюз,
То ли женсовет не знает роль,
Не ведет проверку рабконтроль,
Позаглохли НТО, ВОИР?
Я уж не беру борьбу за мир...
Где утерян наш ориентир?
Родина моя СССР

Всей планете больше не пример.
Ни Калининград, ни Сахалин
Не дождались новых буммашин.
А людей советских и металл
Кинул зарубежный капитал.
И у нас торжественный момент
Вырвал зарубежный конкурент».
Председатель. Голову поднял.
Председатель грустно мне сказал:
«Управлять, я вижу, вам нейдет.
Вы работайте, что вам дается.
Командир у нас без вас найдется.
На людях дебаты разводить,
Это - не люДям руководить.
Здесь народу много не шутя:
Здесь заводу ищутся путЯ!..
Да и что мне с вами рассуждать?
Не хотите в партию вступать!..
Как вас после этого назвать?
Вот вы все туда - в инженера,
Сразу в кандидаты, в доктора.
А вы в цех пойдите. В мастера.
Дело поднимите на ура.
Чувствуется, вам давно пора».
И, качнув усталой головой,
Председатель, словно чуть живой,
Сморщился. Руками замахал.
Я сошел со сцены. Зал молчал.
Так самостоятельность моя

Не перелилась через края».

Слушала Статистика меня,
А глазах уж не было огня.
Вымолвила с каменным лицом:
«Будь не исполнителем, творцом».
Помолчала, прошептала «мда»
Вспыхнула и скрылась навсегда.

Ой вы, разгеройские мечты,
У экономической черты!

Я спешу в кипучую струю,
Я пишу научную статью.
На моем столе - бесценный слиток
Коллективных творческих попыток
Горизонт наш, Пятилетний План,
Будущего яростный таран.
Небосвод не кажется мне в клетку.
Выполним досрочно пятилетку!

Так родился новый мастер цеха.
Пожелай мне, Родина, успеха!
Я готов к суровым временам.
Надо? Жизнь свою тебе отдам.

Не скрывайся от меня, трибуна.
Сочиняйся, заводская Руна!

1990

Вот я - сменный мастер на участке.
Добровольно. Навсегда. Всерьез.
Доучился. Дохотел. Дорос.
Не нуждаюсь я ни в чьей подсказке.
Сам смогу решить любой вопрос.

В техникуме жесткие порядки
У чертежной я терпел доски,
Пестуя профессии ростки.
И за то теперь с любой руки
Мне любые практики легки!
Назубок я знаю без тетрадки
Инструмент, металлы и станки
И могу работать без оглядки.
Институт! Москва, приют скитальца,
Мировых идей профессора,
Лекций, семинаров мастера,
Низкий вам поклон от калевальца.
Ваших знаний огненная суть
Мне поможет мир перевернуть.
Применяя ваших знаний фонд
Я смогу приблизить Горизонт.
Милая моя аспирантура,
Помнишь? Был в науке я незряч.
Ты дала прозренья для удач.
Мне теперь легка литература

Самых сложных формул и задач
На заводе - новый мастер цеха
Пожелай мне, Родина, успеха!
Я чертеж читаю как стихи,
Мне - что рифмы - линии, штрихи.

Ой вы, конструктивные мечты,
В недрах производственной тщеты!..

Месяц, за декадой - декада,
На участке дело шло, как надо
Двадцать семь станочников-спецов,
Дедушек отцов и женихов,
Сверхурочно, в выходные дни
Заводской не подвели родни.
Мастер - словно белка в колесе.
Мастер разрешил вопросы все:
Объяснил, нашел, достал, привез.
Надо? Ночью на себе принес.
На планерках мастер не зачах:
Горизонт звучал в его речах.
На пятиминутках брал размах:
«Горизонт подтащим на плечах!»

Эх, как быстро время-то прошло!
Завтра будет первое число.
Славься, гордость Родины моей,
Сила цеховых богатырей!

Никаких претензий нет к деталям,
Все идет по гостам и нормалям.
Впору на весь мир ура кричать.

Грянул час наряды закрывать!

Тут-то и начался тот раздрай.
Снизу: «Я - работал. Деньги дай!»
Сверху: «Фонд зарплаты просчитай
И не дай пролиться через край!»
Снизу: «До каких же это пор?!»
Сверху: «Все проверит прокурор».

Нет судьбы, поверьте мне, печальной,
Чем живой быть в цехе наковальной!..

Я, дрожа, держу в руке наряд,
Словно невзорвавшийся снаряд.
Не могу понять: где враг, где друг?
Впору этот мир покинуть.
Вдруг Вохровец влетел в мою каптерку,
Нервно поправляя гимнастерку
Под изрядно взмокшей телогрейкой:
«Там у нас такое над литейкой!..
Белый конь, белил белее финских,
К нам с горушек прилетел афинских.
Над литейкой конь ревмя ревет,

Кровлю, слышь, копытом больно бьет,
Федорова Виктора зовет.
Главный инженер сюда идет,
А механик вызвал вертолет».

У меня в глазах и свет погас:
«Неужели это ты, Пегас?!
Как тебя я жаждал видеть встарю!
А теперь, сам видишь, я - в запаре».

Что меня на кровлю подняло,
Я не помню. Белое крыло,
Словно парус, плотный и широкий,
Помню. Ухватился. Сел верхом.
Взвился в высь летатель крылобокий!
А начальник цеха побежал в партком.

Я лечу, не оскорбленный страхом!
Там, внизу, остался мой завод.
Там проспект Октябрьский с красным
флагом,
Словно крейсер у Онежских вод.
Там моя убогая квартира,
Там моя расстроенная лира,
Женка в красном заячьем берете,
Неслухи, все знающие дети.
Там, в уюте старого ботинка,

Спрятана, на случай, четвертинка.

Глянул вверх: темно. Суровый вид.
Только сбоку бронзою блестит
Фланец, называемый Луной,
Для стыковки Вечности с Землей.
«Мы куда летим? Скажи, Пегас».
«Ты не догадался? На Парнас.
Там в тебя вольется Гиппокрена».
«Ты с ума сошел Какого хрена?»
«Там заждались Музы и Наяды».
Я едва не выпал: «А наряды?
Ты мне, что ли, будешь закрывать?
Ну-ка, поверни, едрена мать!
Там, внизу, считают: бью баклуши.
Там, внизу, - шестая доля суши,
Родина моя, мой свет в окне,
Снова в историческом огне!..
Там, внизу, в Союзе, - Перестройка,
Всей системы нашей перекройка:
Жизнь теперь пойдет другого рода,
Все, что надо, - будет для народа.
Тут, на днях, - нельзя мне пропустить!
Будут честно собственность делить.
Каждому в Союзе человеку
Выдадут по ваучеру (чеку).
А за каждый чек - ну стоит жить! –

Можно «Волгу» новую купить.
Нас в семье - четыре человека,
Значит, нам дадут четыре чека.
Первый чек, с признательностью миру,
Дочь с женой истратят на квартиру.
Чек второй - что снится нам во сне:
Купим полдомишка на селе.
А за третий чек я облюбую
Где-нибудь в подвале мастерскую!
В старой позабытой кочегарке
Буду - по металлу и по сварке
Не один я буду, не один!
У меня растет хороший сын.
На четвертом чеке, в праздный час,
Я к тебе приеду на Парнас,
Виктор, из Советского Союза.
Попроси, чтоб подождала Муза:
С юности, назло советской прессе
Обмираю о Пелопонессе.
Так что встреча с Музой неизбежна.
Я ее, скажи, целую нежно.
А сегодня - не до Гиппокрены.
Я остаться должен после смены:
На участок мой из ваших мест
Прилетает сам хромой Гефест,
Не жалея мощной колесницы.
С ним же две из золота девицы,

Две известных миру иностранки,
Верные Гефестовы служанки.
Он их смастерил в труде бессонном
По ки-бер-не-ти-чес-ким законам!
Я хочу таких же на участке.
Взять в инструменталку. По оснастке.
Только... аурум для нас не зрим.
Мы их из феррума смастерим!
Надо и у нас в организации
Начинать процесс роботизации.

Эх вы, конструктивные мечты,
В недрах производственной тщеты!..

Подписал, не глядя, я наряд
И еще десятка три подряд,
Словно свой суровый приговор.
Проверяй, товарищ прокурор.
Я, смотри, в кусты не ухожу,
Я заводу искренне служу
И в начальство цеха не спешу.

Песнь моя сложна и многострунна.
Сочиняйся, заводская руна.

2000

Пере-пере-стройка! Много лет.
Резу-результ-та-та нет и нет!..

Разве результат: говоруны
Выхитрили нам развал страны,
И неуловимый Ка Рум Пир
Нас с тобой бесславит на весь мир?
Разве результат: пропал завод
И попал на улицу народ,
И станки стоят который год?
А непостижимый Оли Гарх
Потирает руки, как монарх:
«Нейди за удачей, Ваня, в Коммунизм.
Там сидит кусачий Тота Литоризм.
Через эти двери не спасешь ты Русь.
Там Тота по-зверьи сделает кусь-кусь.
Лучше будь, голубче, подо мной.
Будет тебе любче шар земной».
Разве результатом может быть:
Есть товар - да не за что купить?
Ваучер не стоит ничего,
Можно просто выбросить его.
Разве результат: на склоне дней
Я стесняюсь пенсии своей?
Пенсия мала от государства:
Невозможно выкупить лекарства.

31

Вставить зубы мне не по зубам.
Вот какой у нас тар-тара-рам.

Я - Социализма сирота.
Горизонт мой - бедности черта.

Нынче - я хорош ли, не хорош –
Ты меня, Редактор, не возьмешь.
Радио и телик говорят:
«Русский нищетой к земле прижат».
Я - прижат. Всерьез. Не понарошку.
Я сижу на кухне, ем картошку,
Как-то выживаю понемножку.
Надо-надо-надо выживать,
Большого мне нечего желать.

Ой вы, пенсионные мечты,
У позорной бедности черты!..

Стала недоступной мне аптека.
Но! Лекарство есть - библиотека
Из меня побольше полувека
Мудро воспитует человека.
Здравствуй, Демократия-Свобода.
Не вздохнуть! Штурмую Гесиода,
Светлый путь взыскую для народа.
Пусть - пенсионер. По мере сил.

Пусть меня никто и не просил.
Я сейчас пишу статью в газету:
«Как спасти Россию и Планету».
Может быть, послушают совет?
Я не зря учился много лет.
Родина, приемли этот зов,
Я ведь поднимался из низов!..
Я работал много и неплохо,
Твердо зная: труд - моя броня.
И неповторимая эпоха
Не глядит сурово на меня.
Я и с Марксом до сих пор дружу.
Что там? В дверь колотят. Подхожу.
Открываю. Вохровец!.. Знаком.
В нашем цехе был расточником.
«Ну, Петрович, удивляйся сам.
С утра пошел я по цехам.
Помнишь Главный Корпус? Красоту?
Нынче обошел бы за версту.
Было, ведь, народу, как в метро.
Нынче, к сожалению, не то.
Все в какой-то непросветной мгле,
Словно в затонувшем корабле.
А станки который год подряд,
Как в бою подбитые стоят.
Весь завод, как будто взяли в плен.
Сняли агитацию со стен.

Ни плакат, ни лозунг не блестят.
И никто ни в чем не виноват!
Тихо. Не работает завод.
Пусто. Жалость за сердце берет.
Нет людей!.. Иду и вижу вот.
У твоей разметочной плиты
Из бетонки выросли цветы!
Красные, что лозунга кумач.
Т-ты чего, Петрович? Д-да не плачь.
Там же, у разметочной плиты, -
Девушка прекрасной красоты!
В длинном белом платье. Босиком.
Волосы украшены венком.
В волосах - несчетно много лент.
В левой ручке - струнный инструмент.
Как не наша! Пляшет и поет,
Федорова Виктора зовет.
Я - сюда, к тебе, что было сил.
Даже у начальства не спросил».

Муза! Муза в цехе. Няяву.
Хорошо, что близко я живу.
Вот я - в цехе. И сказал я Музе:
«Что же ты? - Ведь холод вон какой! –
Сразу не зашла ко мне домой?
Женка на работе. Дети - в ВУЗе.
Я тебя бы чаем напоил.

Я как раз картошечки сварил.
Что-нибудь нашлось бы из еды.
Выпили б по рюмке «Слободы».
Разносолов нет который год.
Так сейчас живет весь мой народ».

И сказала Муза в свой черед:
«Бодрые дочери Борея
Мне приносят свежие газеты.
В них стихи твои встречаю часто
О станках, пролетах... О заводе.
В вихрях новых распрей и усобиц
Лихо ты вступаешь в ратоборство,
Рагуя, кипишь свирепой злобой:
Обличаешь корысть и бесстыдство,
Хитрость, лень, коварство и мздоимство.
Только слог твой мало мелодичен,
Грубый, не ложающийся на лиру.
Ты совсем красот вокруг не видишь,
Светлых красок и приятных звуков.
Чуден Север ваш гиперборейский!
Ты ж его совсем не замечаешь.
Ни озер, болот, ни рек с ручьями,
Ни лесов, кустарников, тропинок,
Ни ночей июньских светло-теплых,
Ни ночей январских темно-хладных.
Музам лучезарным в честь не пьешь ты

Сладкого вина из чаши Вакха,
Будто их и нет, лировладычиц.
Пламенных певуний пышногрудых.
Огненной Киприды-Кифереи
Не поешь искуснейших ты козней
Выспренними строками пеана.
Вашим девушкам прекрасноногим
Не нашел для щиколоток рифму.
Сам Эрот, истомчивый, озлился,
Златовласый, сил страшной бессмертных:
Сколько раз в тебя он, дальновержец,
Посылал жужжащую летучку
И шаром пурпуровым кидался
Из засад, напрасно тратя время!
Ты ж ему стихов не посвящаешь».

И в ответ я Музе так сказал:
«Сладким звуком праздного искусства
Я Любовь пропел бы от начал,
Но природой выданные чувства
Я заводу искренне отдал.
Возводя досрочно эти стены,
Ночью спал лицом к лицу... стены,
Оскорбленный после трудной смены
Взглядом недолюбленной жены.
Нет, я не гонюсь за комплиментом,
Но не сыщешь этих стен прочней,

Потому что здесь песок с цементом
На Любви замешаны моей».

По стене безлозунговой, сирой,
Муза провела волшебной лирой:
И на нас поплыл со всех сторон
Красный цвет плакатов и знамен,
Ясный свет пространства и времен.
Вот и электричество горит:
До чего ж знакомый колорит!
Вот несет диспетчер чертежи,
Мастер намечает рубежи,
Молодые, в силе, мужики
Заготовки ставят на станки.
Вот директор вышел в наш пролет,
Из Москвы комиссию ведет.
Головой комиссия кивает,
Новый цех размахом поражает!
Вот - народ: восторжен и готов
Выстроить хоть сто таких цехов!
Вот и я, незрелый стихотворец,
Рифму притираю торец в торец:
«Буду с вами строить Коммунизм.
Отдаю вам свой патриотизм!»
Вот веселый цеховой парторг
Заливает в нас большой восторг
(Спившись, он сегодня в церковь ходит,
Новый путь к душе своей находит).

Нам на миг вернула Виртуальность
Навсегда ушедшую Реальность.
Только вдруг раздался громкий глас:
«Это что такое здесь у нас?
Почему в пролете не темно?!
Телевизор, что ли, включено?
Кто здесь нам валяет дурака?
Предъявите ваши пропуска!»

Муза замечательной рукой
Лиру подняла над головой.
Вспышка. Искры. Гром. Волшебный дым.
Ти-и-хо... Взввшись за руки, летим.

Красота карельского простора
Для любого высветится взора!
Вот сегодня - солнечно, без ветра!
Снизу светят сказочные недра,
Прсятся в работу из глубин,
Чтобы был народ мой - господин!
Сверху - солнце, много и бесплатно:
«На. Бери. Не требую обратно».
С озера Онежского начнем:
Самый чистый в мире водоем!
Почему ж плохую воду пьем?
Почему так плохо мы живем?

Почему в стране моей разлад?
Кто народ обманывал стократ,
Жаден, беспощаден, вороват?

И, скажите, в чем я виноват?
Это - не скулеж и не нытье.
Это - вопрошение мое.
И, скажите, кто за столько бед
Понесет заслуженный ответ?
И кому обманутый народ
Может предъявить жестокий счет?

И когда закончат на века
Делать из народа дурака?

Так герой, Поэзии дитя,
Думал, рядом с Музою летя.
Справа - город со страницы новой.
Слева - гладь Онежская без края.
Между ними - улочка прямая,
Улица Ирины Федосовой!
Вопль ее о кузарандском старосте
К нам летит из вековечной старости:

«Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былину мою правду-истину.
Он не плут был до крестьян, не
лиходеичек,

Соблезновал об обществе собранном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Как найдет мировой когда
посредничек...
В темном лесе быдто бор-то разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое:
«Вы даете все повольку мужикам-
глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Стане староста судью тут уговаривать:
«Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да у бога люди созданы».
Как уедет судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяне таково слово:
«Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клеучие:
Как наедут ведь холодные-голодные.
Оны рады мужиченка во котле варить.
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у них да во белых грудях,

Нет у совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у них да на белой
груди!»
Вы падите-тко горячи мои слезушки,
Вы на воду падите, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,—
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодея супостатого.
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!»

Только вдруг раздалась в вышине
Чудо-звуки, милые стране.
И задели так рассудок мой
Сердце обливается слезой.
Это над страной запел неожиданно
Голос кондопожского органа.
В наше лихолетье и ненастье
Он поет на радость и на счастье.
На него не сыщешь критикана!
У него такой высокий тон —
Замер весь Балтийский регион,
Голосом победным восхищен!

Сла-а-адко .. Взявшись за руки, летим!
Расставанья миг неотвратим
«Муза!. Чем закончить мне поэму?
Ни в одну не уложиться схему!..

Разработать тихо, без проклятий
«Перечень благих мероприятий?»
Но ведь Все врывалось в этот Свет!
Было. Есть. Да толку только нет.
Дать призыв опять объединяться?
Бесполезно. Будут лишь смеяться.
Указать на суд суровый свыше?
Угрожать с ума сошедшей крыше.
Звать опять к святому топору?
Знаем: это не ведет к Добру
Убежать в зеленую дубраву
Добывать лирическую славу,
Собирать цветочки на лугу?
Этого сегодня не смогу».

И в ответ мне Муза говорит.
«Жизнь твою поэму завершит.
Главное сегодня ты сумел:
Прожитое вспомнил и пропел.
В эту ночь опять забудь про сон.
Рукопись проверь раз миллион,
Строчки поплотнее утряси
И в газету утром отнеси».
Там, где краснорозовый гранит
Волнами Онежскими омыт,
Где белоколонная ротонда,
Как привет от Греции стоит,

Муза мне с улыбкой говорит:
«Посмотри, любитель Горизонта,
Гиппонакта, не Анакреонта,
Видишь, па краю Онежских вод
Плавно растворился небосвод
И белеет парус в отдаленье.
С чем ты поместишь его в сравненье?»

«Выбитый у Горизонта зуб».

«Ты опять, мой сочинитель, груб.
Это - Время бросило в поток
От Ромашки-Солнца лепесток
И с планетой нашею играет,
«Любит ли - не любит» проверяет».

Муза - полетела! Обернулась.
Лирой помахала. Улыбнулась.
У ротонды я стою один,
Молодой, здоровый, без седин.

Ой вы, пенсионные мечты,
У гранитной розовой плиты!

Мне урок на набережной дан.
Преодо мной - Онего-океан.
На меня сдвигает водонос
Белый парус, как живой вопрос,

Белый парус не простой вопрос:
Перечень моих страданий всех,
Накопитель лет, событий, вех,
Только, правда, точкой-чайкой вверх!..
Набирайся новых сил, Поэт
Есть вопрос Давай, ищи ответ

Вот и сочинялась моя Руна
Чувствую себя легко и юно.

В нынешнем российском ералаше,
Восполняя творческий пробел,
О своем, о личном Тяжбуммаше
Я сегодня Руну вам пропел.

Может, результат моей орбиты
В чем-то с вашим и не совпадет,
Не держите на меня обиды
И на свой не принимайте счет.

Ну, а если вспыхнет сердце ваше,
Вы не протестуйте наугад.
О своем, о частном Тяжбуммаше
Спойте Рун.у Буду очень рад

Карелия. Петрозаводск

1995 - октябрь 2000-го.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

1960

РУНЫ - древние народные песни у карелов, финнов.

КАЛЕВАЛА - сказочная страна, родина героев карело-финского эпоса "Калевала", составленного из отдельных рун; название современного города на севере республики Карелия в Российской Федерации.

РАБКОНТРОЛЬ - рабочий контроль.

НТО - научно-техническое общество.

ВОИР - всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов.

АЛЬТРУИЗМ – бескорыстие.

ТЯЖБУММАШ - первая аббревиатура Петрозаводского завода буммашин.

1970

РАЗМЕТОЧНАЯ ПЛИТА - металлическая плита с точно обработанной поверхностью, служащей базисной плоскостью для геометрической увязки размеров заготовок.

АВТОКАР - безрельсовая самоходная тележка.

СБОРКА (разговорное) - участок, где собирают изделия из деталей.

РАРИТЕТ – редкость.

ВОХР - вооруженная охрана.

КАКОФОНИЯ - лишенное всякого благозвучия сочетание звуков (в музыке стихах).

ВЯЙНЕМЕЙНЕН - главный герой карело-финского народного эпоса "Калевала",

53

вещий старец, песнопевец, могучий заклинатель, изобретатель музыкального инструмента - кантеле.

ПОЖАРКА (разговорное) - здание пожарной команды.

ПТУ - профессионально-техническое училище.

БУРАН - тип снегохода.

ДЕВА ВОЗДУХА - действующее лицо карело-финского народного эпоса "Калевала", дочь воздуха, олицетворение одной из воздушных сил, дочь творенья, олицетворение творческой силы.

СУОМИ - Финляндия.

СУВАНТОЛА - Калевала, тихая вода (финск.).

ИЛЬМАРИНЕН - брат Вяйнемейнена, вещий кузнец, выковавший Сампо.

САМПО - мельница-самомолка, северное сокровище.

БРИЗ - бюро рационализации и изобретательства.

ПЕРЕДЕЛ - в металлургии, стадия производства или переработки. Например, выплавка чугуна, получение стали.

ВЕЙНО - сокращенное имя Вяйнемейнена (другие имена В. Осмолойнен, Калевайнен).

1980

ПАРТХОЗАКТИВ - собрание заводских активистов.

КИНУЛ - обманул (современный сленг, разговорное)

1990

ГОСТ - государственный стандарт (нормативный образец качества).

НОРМАЛЬ - отраслевой стандарт.

"С ГОРУШЕК ПРИЛЕТЕЛ АФИНСКИХ " - с V в. до н. э. центром культуры всей Греции стали Афины, главный город Аттики (Средняя Греция).

Афина - богиня, воительница, вечно девственная, богиня мудрости.

ПЕГАС - крылатый конь, поставляющий громы и молнии богу Зевсу. Александрийские поэты (III в. до н. э.) создали представление о Пегасе как о коне поэтов, связали с мифом о Музах.

ПАРНАС - символ поэзии, место обитания Муз, лесистая гора Аркадии, горной лесной области в центральной части Пелопонесса.

ГИППОКРЕНА - источник вдохновения, возникший от удара копыта Пегаса. Искупавшись в Гиппокрене, Музы водят хороводы и поют чудесные песни. Вода источника дарит вдохновение поэтам.

МУЗЫ - богини поэзии, музыки, пения, пляски.

НАЯДЫ - нимфы источников и рек, божества, олицетворяющие силы природы; греки представляли их в виде прекрасных молодых женщин.

ПЕЛОПОНЕСС - полуостров, южная часть Балканского полуострова, в центральной части которого находится лесис-

тая горная область Аркадия, на которой располагается гора Парнас. Согласно поздним мифам на Парнасе жили Музы. Поэтому еще в древности Парнас стал символом Поэзии.

ГЕФЕСТ - бог огня, бог - покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец. Греки представляли Гефеста могучим, но некрасивым и хромым на обе ноги.

"ДВЕ ИЗ ЗОЛОТА ДЕВИЦЫ" - выкованные Гефестом из золота две его помощницы - служанки.

АУРУМ – золото (лат.)

ФЕРРУМ - железо (лат.)

ГЕСИОД - поэт-землепашец (VI в. до н.э., Греция), представитель дидактического (поучительного) эпоса. В поэме "Труды и дни" Гесиод призывает к честному труду, который один может дать богатство.

*"...Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает подобно безжальному трутню,*

Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых

Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением –

Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.

Труд человеку стада добывает и всякий достаток.

Если трудиться ты любишь, то будет гораздо милее

Вечным богам, как и людям, бездельники всякому мерзки.

Нет никакого позора в работе - позорно безделье.

Если ты трудишься, — скоро богатым, на зависть

ленивцам,

Станешь. А вслед за богатством идут добродетель

с почетом.

Хочешь бывалое счастье вернуть, так уме лучшие

работай..."

КАРЛ МАРКС - основоположник научного Коммунизма, диалектического и исторического материализма и научной политической экономии, вождь и учитель мирового пролетариата.

«...ВЫПИЛИ Б ПО РЮМКЕ «СЛОБОДЫ» «Петровская слобода» - популярная в Карелии водка производства Петрозаводского ликеро-водочного завода.

БОРЕЙ - северный ветер.

ДОЧЕРИ БОРЕЯ - дочери северного ветра.

ВАКХ (Бахус, Деонис) - в греческой и римской мифологиях бог плодоносящих сил, виноградарства, виноделия.

КИПРИДА-КИФЕРЕЯ- прозвище Афродиты, богини любви и красоты. На остров Кипр Афродита вышла, рожденная из морской пены. А на острове Кифера, около Пелопонесса, находится храм Афродиты.

ЭРОТ (Эрос, Амур, Купидон) - сын Афродиты, ее посланник. Он выполняет волю Афродиты. Его стрелы несут радость и счастье, но часто - страдания, муки любви и даже гибель.

ЖУЖЖАЩИЕ ЛЕТУЧКИ - золотые стрелы, выпущенные Эротом из золотого лука.

ПУРПУРОВЫЙ ШАР -

Бросил ШАР свой ПУРПУРОВЫЙ

Златовласый Эрот в меня

И зовет позабавиться

С девой пестрообутой.

(Анакреонт. Перевод В.В.Вересаева).

ФЕДОСОВА Ирина Андреевна - народная поэтесса (1831 - 1899, Россия), вопленица из Заонежской деревни Кузаранды, крестьянка, не знавшая грамоты. Ее поэмы - плачи отличались не только высоким художественным мастерством но, и правдивостью исторического документа. Герои И А. Федосовой - обычные мужики и бабы с вековыми заботами, болями, горестями.

КОНДОПОЖСКИЙ ОРГАН - построен в 2000 году крупнейшим в Европе Кондопожским целлюлозно-бумажным комбинатом, выстоявшим в годы перестройки.

ГИППОНАКТ - поэт (VI в. до н.э., Греция), человек самой демократической среды. Главная тема творчества: бедность, тяжелая нужда. Но в жалобах поэта на бедность много тонкого юмора, мягкой умной иронии. Ирония есть в самом звучании стихов Гиппонакта.

АНАКРЕОНТ - поэт (559-478гг. до н.э., Греция), для его творчества характерно легкое, беззаботное отношение к жизни, воспевание вина, чувственной любви, веселья.

ПЕАН - гимн, благодарственное песнопение. В Древней Греции заклинательная песня, обращенная к богу солнца Аполлону (другое имя - Феб); позднее - стихотворное восхваление.

РОТОНДА - круглая постройка, перекрытая куполом, часто с колоннами.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Петрович Федоров родился 15 июля 1936 года в слободе Новая-Сотня, Острогожского района Воронежской области в семье штукатура и прачки, родившей шестерых детей, двое из которых умерли в детстве.

В годы Великой Отечественной войны В. Федоров, его мать и младший брат жили в городе Монино Московской области.

После возвращения отца с войны семья проживала в станице Кореновская Краснодарского края, в селе Малая Виска Кировоградской области, в поселке Быков Долинского района Сахалинской области. Там, на острове Сахалине, по окончании семилетки В. Федоров работал на шахте Долинская рабочим, породотборщиком, учеником токаря, токарем пятого разряда. Писал частушки для самодеятельности и шахтинской стенгазеты.

В 1954-1958 годах учился в Краснодарском станкостроительном техникуме. После окончания техникума был распределен на Новочеркасский электровозостроительный завод, на должность инженера-конструктора ОГМ. В последующие годы В. Федоров работал инженером-конструктором, механиком на машиностроительных заводах в городах Новосибирск, Свердловск, Нижняя Тура, Подпорожье Ленинградской области.

С 1966 года постоянно живет в Петрозаводске. Начиная работать на строящемся заводе тяжелого бумагоделательного оборудова-

ния и с этого же завода вышел на пенсию.

В 1963 году поступил на заочное отделение Петрозаводского государственного университета, по впоследствии перевелся и закончил Московский всесоюзный заочный политехнический институт, инженерно-экономический факультет. Учился в заочной аспирантуре Академии Наук, которую закончил без защиты диссертации. В. Федоров постоянно участвовал в литературном процессе Карелии с начала шестидесятых годов. Долгое время был старостой литературного объединения при Союзе писателей Карелии.

А самая первая поэтическая публикация В. Федорова состоялась в 1961 году в газете "Вперед к коммунизму" в городе Нижняя Тура Свердловской области.

В. Федоров - член Союза журналистов России с 1994 года.

«Руна о моем Тяжбуммаше» - первая книга поэта Виктора Федорова.

«Сорок пять минут Виктор Федоров читал мне только что законченную «Руну о моем Тяжбуммаше». Я слушал, не перебивая и думал, глядя на забывшего на меня Федорова: «Талантлив, черт, ну не отнимешь...». Автор еще не закончил чтение, но я уже знал: будем печатать. Ясная, хотя и очень не простая форма произведения, четко передавала чувства героя поэмы, вызванные хорошо известными всем нам событиями почти полувековой давности. Герои мировой мифологии, действующие в поэме наравне с реальными нашими современниками, раздвинули временное и географическое пространство. «Руне», вынужденно сокращенной, отдали целую полосу в субботнем номере, что в

истории нашей газеты было сделано впервые для крупного произведения в стихотворной форме. Напечатали и не ошиблись, что подтвердилось сразу же многими положительными отзывами и откликами. Выплатили самый высокий гонорар. Ждем новых подобных произведений нашего постоянного давнишнего автора».

*Сергей Куликаев,
главный редактор газеты
«Северный Курьер».*

«Прочел, не отрываясь, «Руну» утром 23.12.00 г. в «Северном курьере». Автора лично не знал, но нашел его фамилию в телефонной книге, дозвонился, познакомился и сказал Виктору Федорову: «Спасибо. Готов подписаться под каждым словом вашей поэмы. Продолжайте в том же духе».

*Панел Сепсяков,
ветеран Великой Отечественной войны и труда,
почетный гражданин города Петрозаводска,
председатель петрозаводского городского
Совета депутатов трудящихся 1969-1982 г.г*

«Читая "Руну», явно слышала музыку. Торжественные звуки марша - это движется «Красный кран через пролет». Нежная мелодия - это на бетонном полу цеха, среди выросших из «бетонки» красных цветов пляшет и поет Муза с лирой в руке. Под музыку развеваются ее длинные волосы и ленты. Я чувствовала себя среди героев поэмы соучастницей и - вздрогнула, прочитав строку «Выбитый у Горизонта зуб». Сразу же позвонила Виктору (мы дружим семьями) и поздравила с удачей».

*Татьяна Спивакова,
пианистка, доцент Петрозаводской консерватории.*

«Какую руну сочинил. Всем на диво. "И язык хорош, знание жизни подкупает, и не помню, чтобы так просто и образно рассказывалось о производстве, о заводе».

*Николай Шабиев, журналист. Из статьи
«Поэт по фамилии Федоров»*

«Вижу заслугу Виктора Федорова в том, что он взял на себя смелость проанализировать в художественном произведении сложнейший пласт жизни нашей страны, особенно последних пятнадцати лет. И это ему удалось сделать в добротных русских стихах».

Вениамин Слепков, журналист.

«Прочитал «Руну» и обрадовался за автора, своего однофамильца, творчество которого всегда одобрял. При встрече в редакции газеты "Молодежь Карелии" сказал: «Ты задел душевные струны многих людей! Тебе, без сомнения, удалось житейские детали, сопровождающие жизнь любого человека. Читатель «Руны» легко может узнать и себя, и свои чувства».

*Николай Федоров,
поэт, писатель, Заслуженный журналист Карелии.*

«Что тут сказать?! Только через месяц после прочтения «Руны» встретил Виктора на улице случайно, обнял и сказал: «Поздравляю с грандиозной публикацией твоей поэмы в «Северном Курьере».

*Иван Костин,
поэт, писатель, журналист, заслуженный работник
культуры России и Карелии.*

«Свое отношение к «Руне» я сжато сформулировал в следующих словах и сказал Виктору при встрече: «Не могу понять!.. Как получилось, что ты взял самую проигрышную тему и получил самый выигрышный результат?»

*Николай Сабуров,
поэт-сатирик, журналист.*

«Думаю, пора тебе, Виктор, браться за еще более широкие темы».

*Вячеслав Соколов,
фотожурналист, Брянск. Из личного письма.*

«Поэма твоя мне понравилась во всех отношениях. Уверен, она понравится и читателям Карелии нео-

быкновенной искренностью, простотой языка. Редакторский мой зуд применять здесь, к счастью, нигде. Разве - по мелочам. Но сейчас - не буду».

Валерий Суслов

*Писатель, журналист. Работал редактором документального киножурнала «Советская Карелия».
С-Петербург. Из личного письма.*

Сегодня, пожалуй, и не вспомню, как мы познакомились. Кто-то сказал, что мы внешне очень похожи. Не спорю. Недавно, буквально вздрогнул, увидев самого себя метрах в пятидесяти. Оказался - Виктор. Думаю, что схожесть есть, и не только внешняя. Встречаемся довольно редко, но обстоятельно. Виктор Фёдоров - натура очень творческая и ищущая. Лично мне, очень много дали наши с ним разговоры о жизни, о городе, о людях. За его творчеством слежу давно, пожалуй с первых стихов, опубликованных в многотиражке. Считаю, что рост колоссальный. Увидев перед Новым годом в «Северном курьере» его руны о «Тяжбуммаше» сначала ужаснулся. Был уверен, что руны можно писать о природе, о личностях, о любви, наконец. И глубоко ошибся. Несмотря на множество специальных, технических терминов руна читается на одном дыхании. Поражает отличное знание материала и это не мудрено. Уж кто, а Виктор имеет право писать о заводе. Подкупают прекрасный язык и обстоятельность. Уверен, что его пятилетнее творение - это большая удача и оно, несомненно, имеет право на жизнь. Хочется верить, что у поэта Виктора Федорова все впереди!

Георгий Михайлюк,

хирург,

Заслуженный врач Республики Карелия.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.	
1960.....	5
1970.....	7
1980.....	17
1990.....	24
2000.....	31
Фотоиллюстрации.....	45
Примечание автора.....	53
Об авторе.....	59
Отзывы друзей.....	60

ЛР № 040789 от 29.01.97

Формат 70x90 1/32

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,2.

Тираж 1000 экз. Заказ 2132

Дизайн, верстка ЧП Толлер А. В.

Отпечатано с готовых диапозитивов

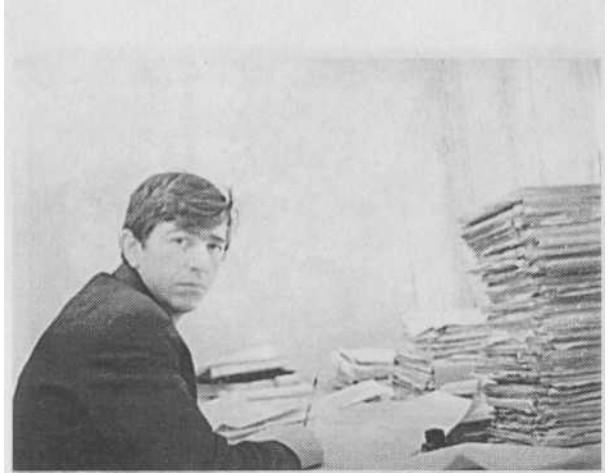
в ГП республиканская ордена «Знак Почета»

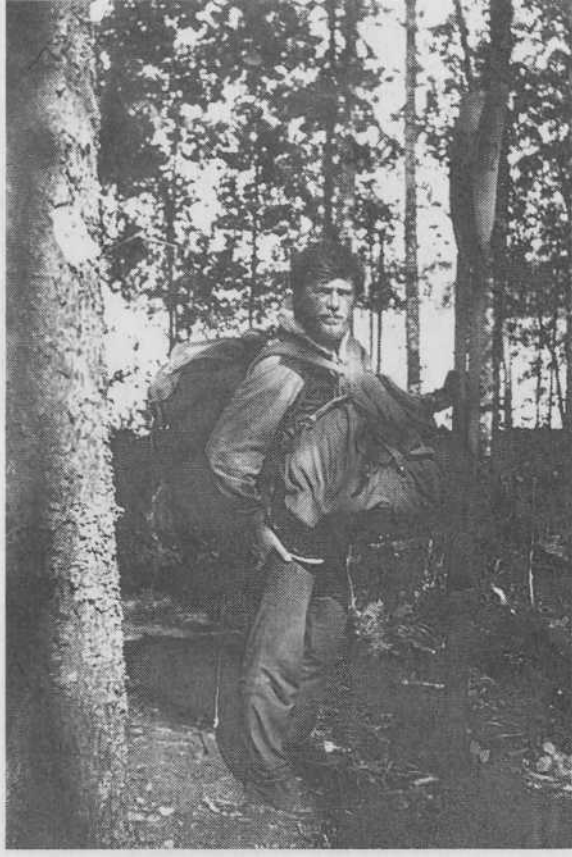
типография им. П. Ф. Анохина.

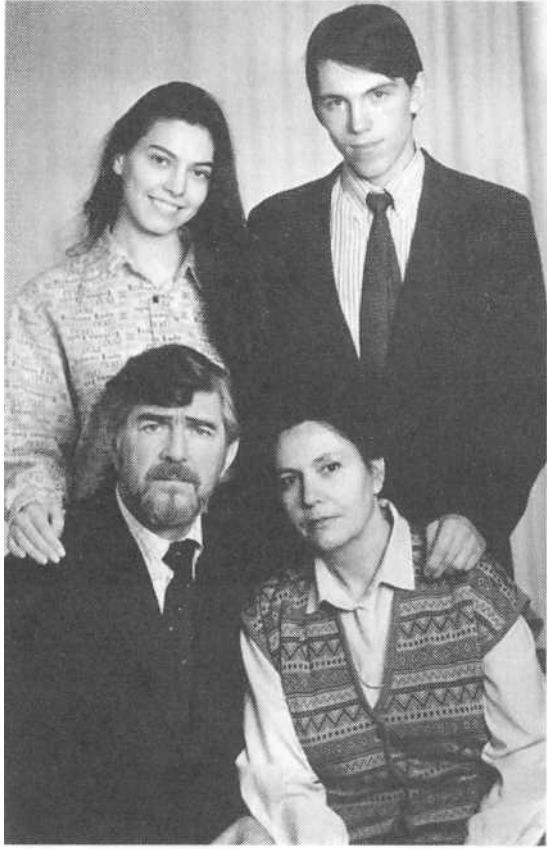
185005, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4











"Eteenpäin rientävä aika, ajassa muuttuva horisontti, tuotannon kehitys. Niiden taustalla runoilija kertoo lyrisen sankarin sieluntuskista. Säkeissä ovat sisältöä avaavasti punoutuneet toisiinsa aikamme miehet, kreikkalaisten myyttien ja suomalais-karjalasen eepoksen sankarit. Väinämöinenkin osallistuu paperikonetyhtymän historiaan ja puhuu aitoon kalevalanmittaan. Fjodorov toivoo, että Suomesta löytyy kieliniekka, joka kääntää Runon suomeksi. Naapurimaassa lienee hänestä kiinnostusta teokseen, joka aikeen suuruudeltaan muistuttaa Kalevalan runoa ja johon on heijastunut tehtaan 40-vuotinen historia ja ajan mukaan muuttuvat sankarin sielunvireet. Säkeet vain olivat paikoin liian lyhyitä. Hän pidensi ne, jotta olisi helpommin kääntää. Runoilija tietää, että suomen kielessä on pitkiä sanoja."

Mikko Nesvitski, Karjalan Sanomat - lehti.

"Мчащееся вперед Время, меняющийся во времени Горизонт, развитие производства. На этом фоне Поэт ведет рассказ о душевных переживаниях лирического героя. В строках переплетаются образы наших современников; героев греческих мифов и героев карелофинского эпоса. В истории завода оставляет след Вяйнемейнен, в речи которого ощутима калевальская метрика. Федоров надеется, что в Финляндии найдется лингвист, способный перевести "Руну" на финский язык. Соседи наверняка заинтересуются произведением, по величию замысла напоминающем руну Калевалы, в котором отразились 40-летняя история завода и меняющиеся настроения героя. Некоторые строчки были слишком короткими. Поэт удлинил их, чтобы при переводе было легче выдержать ритмику стиха в финском языке много длинных слов."

Михаил Незавицкий,
газета "Карьялан Саномат" 03.02.2001 г.

"Time, running forward, Horizon, changing through the time, industrial development. Using this as a background the Poet tells us about the inner feelings of the lyrical hero. In these lines the images of our contemporaries, the heroes of Greece myths and the heroes of Karelian-Finnish epos. Even Vjainemjainen, in whose speech one can feel Kalevalas metre, leaves his "footprint" in the history of the plant. Fedorov hopes, that it is possible to find a linguist in Finland, who will be able to translate the Rune in Finnish. Neighbours are sure to be interested in this work, which reminds the Runes of "Kalevala" with the majesty of device, in which the 40-years lasting history of the plant and changing moods of the lyrical hero are reflected. Some lines were too short. The poet made them longer, so that it would be easier to keep up the rhythm of the poem while translating there are many long words in Finnish language."

Michail Nezvitzi, journalist.
From the article in newspaper
"Karjalan Sanomat"

